

Элизабетта
Бенедетти

ПОЕЗД

Элизабетта Бенедетти

ПОЕЗД

Прозаический текст с вкраплениями стихотворений автора

Глава 1

Я уезжаю.

Не спрашивайте меня, куда я еду. Не спрашивайте, возвращаюсь ли я.

Может быть, я спасаюсь бегством...

Я лишь знаю, что меня ждет поезд, и я ухвачусь за него, как утопающий цепляется за спасательный круг, и буду держаться, пока волны не унесут меня вдаль.

Причина в том, что порой человек не хочет понимать, а хочет просто двигаться, идти в какое угодно место с названием, от руки обозначенным на географической карте, чтобы добраться до него и немедленно присвоить. Точно так же можно не глядя ткнуть пальцем в небо, попасть в безымянную звезду и вдруг решить стремиться к ней.

А если же среди множества тех, кто задастся вопросом, куда и зачем я еду, кто-нибудь, обуреваемый легким беспокойством, которое вызывают любые новости, захочет последовать моему примеру, я не стану звать его с собой.

Я хочу, чтобы моим единственным спутником был я сам; так я смогу, страница за страницей, прочесть каждую главу своего исхода в ожидании ответа, который смог бы успокоить странную бурю в моем сердце.

Ведь когда оказываешься на распутье, все дороги, открывающиеся твоему взору, одинаково неизведанны, и тогда-то ты ощущаешь себя мягкотелым предателем, который избегает предначертанного пути, чтобы укрыться в новом изгнании.

Я тот, кто однажды поклялся и дал обет, презрев самого себя и ту игру, которую называют судьбой.

Теперь я жду того момента, когда мне придется прочесть анкету, которую жизнь попросит меня заполнить, и, среди прочих, главный вопрос, который обнаружит мою истинную сущность.

Если этот вопрос окажется о том, сколько раз я бежал, единственным ответом станет: несметное количество раз. Если же меня спросят, сколько раз я возвращался, придется ответить: ни разу. Сейчас я здесь ради всех тех, кто не поверил в собственную тайну, кто оказался глух к зову своей истории. Я знаю, что написал и сказал о себе то немногое, что было необходимо. Если же теперь я уезжаю, то лишь потому, что этого оказалось недостаточно.

Мало-помалу я, как врач, смог диагностировать собственный недуг и более не могу закрывать глаза на его проявления. Я знаю, что однажды, перевернув страницу, я могу оказаться перед самым финалом этого поразительного заблуждения.

Реальность подобна монете, у которой с одной стороны правда, а с другой ложь. Я хочу подбросить эту монету в воздух и выяснить, к какой из сторон можно отнести все эти годы, и что я смогу сделать для того, чтобы перевернуть все с ног на голову.

Я, тем временем, больше не могу изображать спокойствие и непоколебимость, в то время как пол проваливается под тяжестью моей уверенности. Теперь, когда, пораженные в самое сердце, гибнут все обещания, мой разум отказывается осознавать реальность и расчленять ее на равные части.

Знание рассеивается, как дым, и теории более не стоят даже чернил, с помощью которых их переносили на бумагу. Я развею по ветру горсти бесполезных представлений, которые губят все мои порывы, не принося избавления.

Я хочу, чтобы дорога поведала мне, что верно, а что ошибочно, что такое страх, и какими бывают поддельные, извращенные эмоции, куда может добраться человеческая рука, а куда разум, ее направляющий.

У меня с собой нет ничего нового, лишь старая фотография моего кота в небольшом чемодане.

Между тем, я бы хотел забрать с собой весь мир, закрыть его в коробке, чтобы потом выпустить там, где захочется, и наблюдать, как он бежит по зеленым музыкальным лугам.

Пока я иду на вокзал, вокруг меня все замедляет ход, и эта оглушающая медлительность заставляет ускорить шаг. Мне снова хочется, повинувшись порыву, заколотить двери за своей спиной, и мне ничуть не странно, что я вновь смог все бросить.

Я надеюсь, что не потеряюсь среди запахов тысяч песен и пройду по единственной действительно принадлежащей мне тропе, пророчащей о том совершенном божестве, которое никогда не оставляет свои чада слишком долго терзаться сомнениями.

Глава 2

Отправление

Итак, вот я стою перед моим поездом. Он уже поджидал меня, словно верный друг нескончаемой зимой.

Я не один на этом перроне, но никогда раньше я еще не ощущал себя настолько отринутым, настолько далеким от толпы, которая как будто протягивает руки, чтобы оттолкнуть меня.

Но разве, в конце концов, не одинок всякий, кто отправляется в путь? Он еще здесь, но уже отделился от тех, кто остается, замешкавшись в пограничном состоянии золотой середины.

Заходя в вагон, я решаю, что выберу свободное купе: так мне не придется выдерживать сравнение с другими людьми и другими историями бегства. Своим взглядом я стану лепить пространство вокруг себя, пока оно не решится перейти в мое владение, я обставляю его своими сумбурными мыслями, чтобы оно стало на меня похоже.

Одиночество не всегда позволяет найти необходимые решения, однако охотно предоставляет разуму каморку, где можно уйти в себя и побродить по лиловым морям сознания.

Душа лишь вначале кажется нетронутым полем: набравшись смелости, чтобы стереть немного пыли с ее поверхности, ты обнаружишь, что в ее глубину ведет бессчетное количество слоев. Состоят они из нагромождений замков, рухнувших и отстроенных заново, один поверх другого, и извлечь что-либо из этой груды очень сложно, поскольку в любой момент все может на тебя обрушиться.

Путешествие еще не началось, а я уже ощущаю его бремя. Будет ли путь длинным, или нет? Я уже понимаю, что это не будет зависеть ни от расстояния, ни от времени.

Картинки уже сменяют одна другую, лениво и неохотно, за моим окошком. Погрузившись в свои мысли, я ощущаю себя, как единственный зритель, который наслаждается тишиной пустого партера.

Когда мчишься вперед с такой скоростью, будто врываешься в тысячи чужих жизней и задерживаешься не более чем на секунду.

Отсюда мне видны сценки из повседневной жизни мужчин и женщин.

Кто из нас массовка, я или они?

Кто знает, сколько людей смотрят сейчас на этот поезд, силась разглядеть кого-нибудь, чью-нибудь тень, машущую рукой...

Стекло придает этим местам налет отчуждения. Сколько никогда не пройденных дорог вижу я отсюда, сколько домов, где я никогда не жил.

Здесь я, или чужак?

Из моего передвижного наблюдательного пункта я замечаю новый, нечто необычный пейзаж, который ускользает от меня, скрываясь за моей спиной. Я же спокойно отпускаю его в противоположную от меня сторону и даже не оборачиваюсь, поскольку знаю, что никогда не смогу его догнать.

И разве когда мы оборачиваемся, мы не испытываем ностальгию, соблазн снова пройти по нашему пути в обратном направлении? Нет, теперь я уже не могу этого сделать. Отныне этот поезд – воплощение моей воли, и я последую туда, куда он меня повезет.

Я не знаю, сколько остановок он сделает и будет ли среди них конечный пункт моего путешествия.

Я лишь надеюсь на то, что, подъезжая к нему издалека, я смогу его узнать.

Глава 3

Первая остановка

Итак, поезд все больше и больше замедляет ход.

Навстречу мне не спеша выступает первая на моем пути станция, напоминающая незнакомого родственника, который, завидев тебя издали, раскидывает руки для холодного объятия. Его направляет не сердце, а театральный мир условности.

На перроне несколько человек ждут, когда двери вагона откроются, чтобы сесть на мой поезд. Они не стоят рядом; беспорядочно рассеянные, как микроскопические самостоятельные миры, которые не сообщаются друг с другом, они заключены каждый в своем моменте истории. Что их привело к этому поезду? Сколько других троп, других путей отступления проложат по дороге, параллельной моей?

Сколько раз я ловил себя на том, что не знаю ничего о тех, кто проходит рядом со мной: об их идеалах, об изгибах линии, вычертившей их прошлое... Я видел лишь силуэты, очертания и оболочки, не замечая истинного содержания.

Я бы хотел так и оставаться здесь, в молчаливом уединении, без постороннего вмешательства, посвященный только в собственные размышления, однако, на самом деле, я отлично понимал, что этого не будет.

В купе входит мальчик. Я не видел его среди пассажиров, ожидавших поезда.

Как получилось, что он здесь один?

Его белокурые кудри напоминают зарю, которая спускается в океан, чтобы разбудить его, каплей света, возвещающей о рождении нового дня. Он смотрит на меня большими, светлыми и прозрачными глазами, потом садится напротив. Он напоминает цветок, еще не увядший по велению времени, или кристально чистое море, которое еще не успели загрязнить.

Я бы хотел быть художником, чтобы запечатлеть на бумаге чистоту юности, озаряющей его лицо, и постоянно носить ее в своем кармане, как далекое воспоминание. Возможно, именно такая страсть порой отражается во взгляде живописца и заставляет его творить.

Получится ли у меня заговорить с ним, перекинуться хотя бы парой слов? Возможно, для этого мне пришлось бы снова стать ребенком.

Впрочем, слишком много воды утекло с тех пор.

- Привет, - говорит мне мой маленький попутчик.

Смешно: я уж было начал беспокоиться о том, как начать разговор! Мир взрослых людей погряз в непрерывных поисках условностей, готовых формул, призванных заполнить пустоту между собеседниками.

Ребенку же не приходится преодолевать препятствия, которых он не видит.

Жаль, но и для него однажды придет то время, когда, куда ни посмотри, вокруг сплошные стены.

- Привет, - говорю я в ответ, - Как тебя зовут?

- Анджело.

Я как-то слышал, что имя может серьезно повлиять на жизнь человека и даже сблизить его с ассоциацией, которую это имя вызывает у других людей.

Если это так, тогда однажды этот мальчик станет храбрым защитником слабых или же священником, считающим неутомимое служение любви своим высшим предназначением.

А может быть, годы пройдутся по его прекрасному личику свирепыми бурями и уведут его другой дорогой.

Я не раз задумывался о том, что человеку следовало бы чередовать имена в зависимости от времени года, тогда имя отражало бы разные периоды в жизни, изменения в настроении и серьезные перемены в жизни.

- Ты один?

- Да.

- Можно я посижу в твоей *комнате*?

Удивительно, насколько развита интуиция у детей!

Мальчик за считанные секунды сообразил, что обычное безликое купе стало для меня вторым домом, пристанищем для меня и для бури моих хрупких переживаний.

Его чистый, искренний взгляд мгновенно разгадал все то, что я понапридумывал в своей голове.

- Конечно, о чем речь.

Он улыбается и отводит от меня свои широко распахнутые глаза, отражающие весеннее небо.

Я тоже когда-то так же смотрел на людей: в моем взгляде смешивались удивление и обезоруживающее радушие, свойственные тем, кто еще не знаком с черными дырами, куда порой сталкивает жизнь.

Эту теплоту я быстро растерял среди тех узких и грязных дорог, где грязь прилипает немедленно, как только там оказываешься.

Моя наивность давно отошла в лучший мир, но я все же хотел бы снова попробовать поговорить на языке моей невинности: кто знает, может этого хватило бы, чтобы все изменить.

Мир детства – это особый тоннель со множеством выходов, и те, кто не пытаются переварить это в собственной голове, могут пораниться о свою приземленную реальность.

Я путешествовал наяву и за границей яви, и видел, как ночь пытается извергнуть из себя тьму, чтобы притвориться днем. Я видел глаза детей, которые молча смотрели на меня, и грязь, которая постепенно затуманивала их разум, оставляя юности едва заметную щель, чтобы выпустить ее наружу.

В идеале, детство должно быть раскрашено в розовый цвет, как и мир поэтов, но я знаю, что есть места, в которых возраст не имеет ни значения, ни цвета. Там человек еще некрепок телом, но уже совершенно по-взрослому воспринимает мир. Там драматические переживания входят в привычку и проникают под кожу, превращаясь в шаблон для всего, что происходит вокруг.

Одна девочка круглыми днями работала в каменоломне и думала, что ночь – это всего лишь перерыв между сегодняшним и завтрашним днем. Однажды кто-то спросил у нее, не хочет ли она как-нибудь по-другому проводить свои дни, учиться писать, например. Она ответила, что не видит в этом пользы. Тогда у нее спросили, не хочет ли она что-нибудь изменить и улучшить качество своей жизни. Девочка никак не могла понять, в чем суть вопроса, и тогда ей объяснили, что человеческая жизнь подобна лестнице, и каждый должен выбрать, идти ли по ней вверх или вниз. Она ответила, что никогда в своей жизни не видела ничего, кроме каменоломни, и что ей повезло, поскольку работа позволяла ей не оказаться заложницей крайней нищеты. Тогда я понял, что на земле есть реальности, в которых жизнь расположена на двух уровнях, и на какой бы ступеньке ты не оказался, ты всегда как будто на грани между нижней ступенькой и бездной.

Меня поразило рассказ одного миссионера о том, что дети в странах третьего мира не умеют играть друг с другом. Я спросил его, что он имеет в виду, и он объяснил, что они как будто не понимают, как можно общаться друг с другом таким образом. Их надо этому учить, сказал он. Как будто можно кого-то научить играть.

Я видел заблудившееся детство тех ребяташек, которые бродят по улицам в окружении своры собак. Их называют детьми несуществующего отца. Такие дети не узнают самих себя, когда отражаются в чьих-нибудь глазах, и отворачиваются от всего того, что им кажется слишком близким. Кто знает, сколько глаз жадно ощупывают их одиночество и ждут темноты, чтобы осквернить их разум.

Другая девочка, выросшая в сиротском приюте, каждый день выходила на улицу и шаталась по городу...Она была счастлива от того, что у нее так много *ухажеров*, как она их называла. «Самый младший – мой ровесник, а старшему – не знаю, наверное, лет шестьдесят», - однажды сказала она, а я подумал, неужели общество не знает о том, что порождает маленьких несчастных чудовищ, которые, следуя четкой логике, смешиваются с толпой и поджидают свою добычу.

- Смотри, смотри, как красиво! – вдруг вскрикивает мой юный попутчик, что-то показывая за окном.

Я же ничего особенного не вижу. Пейзаж кажется мне вполне обычным.

- Что красиво? – спрашиваю я.

- Облака!

И чего же я, интересно, ждал? Подняв голову, я вижу ослепительное солнце, которое освещает стаю странных маленьких облачков.

Значит, вот что для него *красиво*, а для меня и вовсе незаметно.

Сколько же еще вещей я уже не в состоянии увидеть? Они проходят рядом, касаются меня, а я даже не замечаю их существования?

Наверное, мне стоило бы наклониться, чтобы сделаться равным с ним по росту, и посмотреть на все вокруг свежими детскими глазами, чтобы вновь открыть для себя мир и убедиться в том, что я все еще могу удивляться.

Я уже довольно давно замечаю, что мне сложно чему-нибудь удивляться. Будто бы я уже успел увидеть все, что только можно, хотя прекрасно знаю, что на самом деле не видел практически ничего.

Что может быть роскошней природы? Я же вот уже много лет не улавливаю смысла ее явлений.

Человек потерял способность видеть чистую красоту и, увидев ее, бросаться вслед за ней сломя голову. Он довольствуется скучными подделками, возможно, потому, что они лучше подходят к искусственному фону, на котором разворачивается большая часть повседневных занятий.

Вероятно, и Анджело вскоре перестанет обращать внимание на облака, больше не будет разговаривать с незнакомцами, сидящими в одном с ним купе, и его бессознательная восторженность погрязнет под грузом апатии.

Глядя на него глазами его юности, я спрашиваю себя, ощутит ли он однажды ту пронзительную боль, которая переворачивает всю жизнь и изменяет любые желания.

Помню, как это произошло со мной. Об этом я сохранил не то чтобы размытое, но и не слишком четкое воспоминание. Это скорее отзвук, чем картинка. Помню, будто земля разверзлась под моими ногами, и пропасть поглотила мой возраст без остатка.

Я будто бы все понял и все познал в один-единственный момент, как если бы отпил из чаши истории и выпитал ее суть. Яркая вспышка, осветив все участки моего мозга, до тех пор не задействованные, наполнила меня осознанием всего того, что находилось за пределами моего дома и моего юного возраста.

Внезапно пробудившись от сна отрочества, ребенок умер, и ему на смену пришел мужчина.

Несчастен тот, чье сердце чувствует человеческие страдания и принимает их груз на себя. Порой нелегко захлопнуть входные двери в душу, уничтожить то, что видишь и слышишь.

Иногда мысль настолько тяжела, что напоминает валун, который вот-вот рухнет и оставит тебя в изумлении перед мощью своего падения.

Благонамеренные люди, тем временем, скажут тебе, что навязчивая мысль – это болезнь, и если ты думаешь об одном и том же по утрам и по вечерам, значит тебе чего-то недостает. А если ты шесть раз в день об этом вспоминаешь? А если сто? А если ты думаешь об одном и том же по тысяче раз в день, не понимая, к чему должна привести твоя мысль, не различая ни одного проблеска у вершины холма, что же тогда *стоит* за этими постоянными размышлениями?

Картинки, неспешно сменяющие друг друга за окошком, замедляют ход.

Поезд следует дальше, вдоль пустого пляжа, на котором сейчас ни души.

В детстве каждое лето я проводил у моря, так близко, что пляж был виден с террасы домика.

Сейчас пляж пуст, как обычно бывало ранним утром или в пасмурный, серый день.

Тогда пляж казался пустыней, где жизнь утихла много веков тому назад, как на открытке с замершим, безмолвным пейзажем, и только голос моря доносился до меня. Поздно вечером луна резвилась среди дюн и водных струй, и раздувалась, будто вынашивала в чреве сделанные кому-то обещания.

В хорошую погоду полоса прибоя оживала и взрывалась эхом тысяч голосов, и даже издалека было слышно, как они рассыпаются вокруг и потом сливаются в одно целое.

Тогда мне хотелось стать частью этого хора, ухватить мой кусок моря и песка, потонуть в этом шуме.

Тогда не оставалось ничего, кроме бескрайнего моря и мелкого, обжигающего ступни песка.

При отливе пляж увеличивался в размерах, как по волшебству. Мне нравилось ходить по той полосе пляжа, откуда только что отступила вода, и собирать оставленные ею ракушки. Мне нравились разгулявшиеся волны, высокие, грозящие утащить за собой.

Анджело тоже замороженно смотрит в окно, и в его глазах читаются мысли о том, как хорошо в жару бегать босиком.

- Тебе нравится играть с песком? – спрашиваю я.

- Да, я обычно что-нибудь из него строю...

Я улыбаюсь. Мне тоже приходилось строить что-нибудь из песка, хотя, по правде говоря, получалось у меня не очень. Как правило, я строил странные здания и вырывал каналы, чтобы наполнять их водой, которая немедленно высыхала.

- Что тебе нравится строить? – говорю я тогда.

Теперь уже он улыбается: «Замки, потому что они большие и красивые».

Как-то раз я навалил огромную кучу песка и залез на верхушку этой импровизированной горы, чтобы понять, каково это – смотреть на жизнь сверху вниз.

Потом мной овладело Чувство и я больше не смог от него освободиться.

Я в одиночку создал мир, который, в моем представлении, еще не был невозможным. Видимо, его существование стало возможным лишь потому, что я его придумал.

Сам ли я выбрал ту часть человечества, к которой испытал привязанность? Было ли моим решением объединить то, что история, казалось бы, разделила?

Я думаю, вряд ли кто-нибудь сможет ответить на эти вопросы.

Если хорошенько подумать, наверное, не так уж и странно, что семя моих мучений зародилось именно в таком месте. Как раз там, где мир, как казалось, был наглухо отгорожен прочной, надежной дверью, оно ворвалось силой, взломав все замки на моей душе, порылось в каждом, самом дальнем ее уголке, и перевернуло все вверх дном.

На следующий день пляж оставался все тем же, а я даже не знал, что уже смотрел на него другими глазами, потому что другой Я к тому времени уже родился. Я не знал, что хоть и оставался на том же самом месте, на самом деле уже покинул его, и мой разум бродил очень далеко.

Прошлое и старые, наивные ценности превратились в пепел, разлетевшийся по ветру в неизвестные дали. Я больше не был ребенком, как Анджело, и в моих глазах появилось глубокомысленное выражение пронзительной тоски, которая грызет твоё нутро и вызывает в душе внезапные бури, обрушивающиеся как снег на голову и прибывающие к земле.

Как умело жестока беспомощность, особенно если ее игрушка – юнец. Она может пытаться человеческую душу до кровавых слез. Мне случалось задумываться о том, что моя жизнь не имеет абсолютно никакого смысла, настолько сильным было неотступное ощущение никчемности, которое пронизывало каждую клетку моего существа. Так чувствует себя

провалившийся в гнилое болото, откуда не выбраться. Чем сильнее ты барахтаешься в надежде подняться на поверхность, тем все глубже и глубже проваливаешься. Ты настолько мал и голос твой настолько тонок, что твой крик ничто по сравнению с тишиной.

Так из глубин моей памяти всплывает воспоминание о старинном навязчивом желании стать *кем-то важным*, однажды получить в свое распоряжение властные полномочия, которых тогда мне так отчаянно не хватало.

Теперь мне совершенно ясно, что добейся я этого, я бы превратился в щепку, несомую бешеным потоком, в цепного пса, вырвавшегося на свободу, и не боялся бы ничего, кроме собственной неспособности быть всегда и везде одновременно.

Я бы плавился на медленном огне от каждого поражения и ждал бы подвоха после любой победы.

- Я хочу стать президентом, - говорил я тогда, и люди изумленно тарасили глаза, услышав подобные честолюбивые заявления от ребенка. Я с улыбкой вспоминаю, как позже, когда начались мои школьные годы, необычность моего подхода казалась еще более обескураживающей там, где требовалось послушание и скудная простота мыслей.

Как горько я оплакиваю ту поразительную уверенность в себе, сопутствующую только юношескому безрассудству, ту слепую веру в силу чистого чувства, которое толкает на самоотречение и кажется достаточным объяснением любому поступку.

Я бы все отдал, чтобы вновь ощутить прежнее воодушевление каждой клеточкой своего существа и без промедления отправиться по дороге, которую оно мне подскажет! В то время чувства были столь здоровыми и сильными, что напоминали неугасимый вечный огонь.

...

Тебе,

о цепь, что приковала
меня к земле,
чтоб в прах вернулся я,
как был рожден
из праха,
тебе,
моя тюремщица,
скажу, что об огне
мечтать я буду,
ведь пораженья
он не знает...

...

Куда же исчез мой свет?

Я понимаю, что могу искать его столетиями и не увидеть даже его тени.

Больно смотреть, как лучшие побуждения пропадают в таких глубинах нашей памяти, что кажутся навсегда утраченными и вынуждают нас верить в их кончину.

Короткое замыкание всех ощущений воздвигает вокруг человека неприступные стены, заслоняя от страстей свет в конце тоннеля.

На горизонте в пустом небе самолет выписывает свои кренделя. Анджело внимательно наблюдает за ним. «Ты когда-нибудь летал?» - спрашивает он меня, прерывая мои размышления.

- Конечно.

- И как это, летать? – интересуется он.

- Высоко.

Когда-то, глядя на четкую линию, разделяющую море и небо, я преодолевал ограниченность моих знаний, чтобы вообразить очертания других берегов. Я не был уверен в том, что там, вдалеке. Сначала я думал, что там покой, и больше ничего. Позже, когда приходит зрелость, тишина расступается и ты начинаешь различать тусклые огоньки, которые освещают обрывки твоих воспоминаний.

Такие куски памяти слепы, неспособны разглядеть собственное отражение в дождевых лужах, бесполезны, увечны и беспомощны.

На своем пути я встречал дюжины подобных несостоявшихся воспоминаний, и до сих пор они преследуют меня в твердой уверенности, что существуют. Я прохожу сквозь них, и они рассыпаются в мелкие осколки, как стекло. Они не уходят в никуда, а изображают такое удивление, как будто проснулись спустя столетия, проведенные в дреме внутри ларцов фокусника.

Уже тогда мое стремление попасть в будущее было настолько сильным, что зачастую влияло на мой выбор в повседневных вопросах. Человек, который настолько жаждал будущего, что взнуздal настоящее и заставил его выполнять не свойственные тому обязанности, - это я.

Я осознавал границы каждого моего поступка, каждого возрастного этапа и стремился их перешагнуть. Моей целью была не свобода преступить какой-нибудь запрет, а зрелость, которая распахнула бы передо мной ворота в мир и сделала бы меня его частью.

Когда я был таким, как Анджело, я еще не нес в себе тягостного груза этого знания.

Он такой, каким я был *раньше*, в краткий период истории каждого нормального мальчишки, когда жизнь – песня, и если тебе приходит в голову мысль о том, кем ты будешь, когда вырастешь, ты не долго думаешь, прежде чем ответить на этот вопрос.

Поезд останавливается на очередной станции.

Анджело встает.

«Пока, мне тут выходить», - говорит он мне, и когда я с ним прощаюсь, сердце сжимается у меня в груди.

Вместе с ним уходит воспоминание, капля настолько далекого прошлого, что оно уже даже не кажется моим. Это воспоминание причиняет боль, заставляет задуматься о том, каким я был и насколько изменился.

Засунув руку в карман, я обнаруживаю в нем кусок бумаги. Ума не приложу, как он туда попал. На нем старинный стишок, который моя мать исподтишка записала, когда я рассказывал его вслух.

Тогда мне было столько же лет, сколько Анджело.

«Любовь сделана именно так

и вот,

кто-то в городе живет,

и правда, это только люди.

Моя любовь – безумство

сердца, что с душою говорит.

Любовь в целом городе живет,

ведь если упадет любовь,

то мир немедленно умрет.

Ну, в общем, жизнь – это любовь,

раз есть она.

А я люблю фонтаны,

розы и ромашки,

и свежие в саду цветы.

И в ***

я никогда не приезжал,
а когда родился, то был там,
и так его узнал.

Прекрасен мой поселок был!

Любовь к одежде и вещам
мне все ж неинтересна.

Я счастлив со своей любовью,
потому что мир прекрасен и чист.

Когда я родился, все было прекрасно и чисто.

Я люблю все

и не хочу умирать,

потому что сердце мое сделано из души Иисуса.

Я больше не умею петь,

ведь мир так прекрасен,

что я не могу больше петь,

потому что любовь – безумство.

Однако

я умею жить спокойно,

потому что любовь моя – маленькое безумство».

Оставшись наедине с самим собой, я подумал, что у меня остался еще один вопрос для Анджело. «Тебе нравится жизнь?» - хотел бы я у него спросить.

И я уверен, что ответ меня бы не разочаровал.

Глава 4

Вторая остановка

Я сижу один всего несколько минут, но отсутствие звуков уже обволакивает и оглушает меня, как громкая музыка.

Каким одиночество может быть внешне? Какое у него лицо, свежее и уверенное, как у независимости и юности, или же старческое, слабое, со страдальческим выражением, как у отшельника, отмеченного морщинами уединения?

Когда-то давно меня потрясла история того несчастного, которого годами держали взаперти в ванной его собственной квартиры. Я с ужасом думал о том, что моя реальность состояла из дорог и лиц, в то время как в его жизни были только стены и лампочка под потолком, едва движимая его дыханием. Его жизнь прошла в созерцании собственных теней на полу и в слежении за ними, шаг за шагом. Возможно, подвергнувшись подобному насилию, разум, чтобы выжить, придумывает новый мир, или же, в отсутствие воспоминаний и голосов, сдается и мало-помалу гаснет.

Я никогда не страдал от одиночества. Иногда я нарочно искал его, жаждал его, как усталый путник жаждет отдохновения в оазисе. Одиночество всегда было для меня укромным уголком, где я мог распутать узлы самых сильных эмоций и порассуждать над сотнями возможных оттенков какой-нибудь встречи или фразы.

В купе осторожно входит юноша. Значит, мне не суждено на этот раз путешествовать в одиночку.

- Добрый день, - говорит он мне, и это звучит как формальность, сказанная человеком, который умеет отличать незнакомца от знакомого. Есть что-то необычное в каждом его жесте, в том, как он сел напротив меня, некая особенность в поведении, которую я не могу описать. Он будто бы

стремится притянуть к себе чужой взгляд, чтобы потом стыдливо оттолкнуть его.

Может быть, он тоже ищет что-то, что он, как ему кажется, потерял по пути, и поэтому чувствует себя неуверенно и болезненно реагирует на всякого, кто пристально на него посмотрит.

- Добрый день, - отвечаю я.

- Я надеюсь, Вы не против, что я сел в Ваше купе, - говорит он и неожиданно улыбается.

Я улыбаюсь в ответ и говорю: - Ничуть. Почему Вы так решили?

Он в упор смотрит на меня живыми, искренними глазами, которые будто привыкли читать чужие души, как открытую книгу: – Когда я вошел сюда, Вы, по-моему, были настолько погружены в себя, что даже не заметили моего появления. Я же стараюсь не прерывать молчание других людей, особенно если мне кажется, что оно полно мыслей.

- Мои мысли не так уж и важны, - говорю я, пытаюсь уйти в сторону от прямого ответа.

- Вы так считаете? Иногда так кажется, но в каждом нашем размышлении содержится частичка нас самих, которая, хоть и с трудом различима, все же существует и может повлиять на наши решения в будущем.

- Думаю, Вы правы. Некоторые мысли напоминают драгоценные мозаичные полотна, на которых путаница прожитых дней будто бы обретает смысл. И такое путешествие, как это, может помочь им появиться..., - отвечаю я, озадаченный тем, какой оборот принял наш разговор.

- Вы часто путешествуете? – спрашивает он меня.

Часто ли я путешествую... Вряд ли так можно сказать. Иногда путешественник запоминает лишь несколько моментов из своей поездки, и это всего лишь приятные глазу пейзажи.

Когда же тебя ведет сердце, это совсем другое дело.

Ты даже не знаешь, чего ищешь, а по возвращении обнаруживаешь, что руки твои полны тючков с подлинными переживаниями, завернутыми в

бесконечные, но неуловимые мгновения, которые навечно отпечатаются в
твоей памяти...

...

Неверная тревога,
уверенность немая.

Что за город
предо мною
открывался...

...

Слушая
зов улиц,
од волшебство,
небесных стихов.

Туман
окутает утро,
впечатленья отпустит...

...

Немое объятье
зданий,
существ, живущих
в листьев дрожанье.

Изображенья

еще дышат
далекими сюжетами,
потерянными
среди шестивий тех эпох...

...

Итак, тебя я вижу вновь,
чужой мне город,
ветер несет голоса,
тихо, стыдливо страдает песня.

Итак, я тебя оставил,
и тобой я вновь дышу,
мечтой, растворенной
в мотиве,
пространством
из света и стихов...

Нет, ты не настоящий путешественник, потому что ты собираешь мгновения, а не только образы.

- Нет, я не могу так про себя сказать, - отвечаю я. – По правде говоря, я не так и много бродил по миру, поскольку стремился всегда только в те места, которые сильно влекли меня к себе.

Между нами украдкой опускается тишина, так, как без разрешения входит бесцеремонный непрошенный посетитель.

Я смотрю в окно. Одна за другой, перед моими глазами пробегают дороги, как будто пытаюсь догнать друг друга в какой-то бесконечной игре.

Вспоминается, как я рассматривал в книгах фотографии далеких городов, и как меня привлекали улицы, которые начинались на моих глазах, а кончались уже за пределами изображения. Как я хотел, сам не знаю, почему, пройти по этим улицам до конца, узнать, куда они ведут.

Спустя годы, я ходил по тем самым улицам с восхитительным осознанием того, что я наконец вышел за границы фотографий.

- Значит, Вас просто привлекла возможность уехать... - говорит мой попутчик, и я вздрагиваю от неожиданности.

- В общем, да. Но я не стремился к чему-то неизвестному. Иногда путешествие нужно лишь для того, чтобы найти часть тебя самого, которую, как тебе кажется, ты потерял. И когда ты приезжаешь на нужную тебе станцию, то замечаешь, что эта твоя частица всегда оставалась внутри тебя, только очень глубоко пряталась.

- Вам никогда не было страшно от того, что Вы можете ошибиться и приехать в место, которое, на самом деле, не имеет ничего общего с настоящей целью Вашего путешествия?

- Да, действительно, иногда такое со мной случалось. Я испытывал мучительный страх от того, что выдам себя, покажу, что я чужак, не смогу объясняться и понимать. С каждым прибытием в новое место мое сердце билось так, что вся моя уверенность пропадала. Но потом, как только мои ноги касались земли, волнение проходило, как по волшебству. И мне казалось, что я всю жизнь прожил там, куда я только что приехал.

Только что я поделился со своим собеседником не самым главным своим переживанием, и прекрасно знаю об этом.

Я по-настоящему боюсь, что мое существование превратится в бесконечную беготню с одного края земли на другой, что моя уверенность в себе окажется в оковах ностальгии, которая не позволит мне ни в одном порту мира почувствовать себя, наконец, дома.

Я бы хотел удостоиться чести ощутить полноту своего я, абсолютную насыщенность, которой мне так не хватает. Хотел бы жить так, чтобы не нужно было раскалывать свою душу надвое и вслепую бороздить ее, как заброшенное поле.

Помню, как несколько тысячелетий тому назад я думал, что моя миссия состоит в том, чтобы заключить власть в оковы, положить ее в ящик и зарыть в самом центре мира, обрекая ее, таким образом, на вечный сон. Однако власть и желание обладать ею подобны огню в кратерах вулканов, которые ускользающая история оставила на своем пути, и ничто не может помешать кому-то другому проникнуться их очарованием настолько, чтобы намертво приковать себя к ним.

Теперь, когда я знаю, что проиграл, я чувствую себя, как человек, рожденный на руинах собственного прошлого, который на следующий день будет шарить среди развалин и, возможно, отыщет кисточку, чтобы нарисовать новый волшебный сад, где можно спрятаться, когда наступит вечер.

- Вам никогда не казалось, что чего-то не хватает, что в каждый момент Вашей жизни чего-то недостает, и это лишает Вас покоя? – спрашиваю я у своего попутчика.

Он внимательно смотрит на меня, и тихая улыбка освещает его лицо. – Вы хотите спросить, считаю ли я себя счастливым человеком? Во сне счастье постоянно, оно сопровождает повседневность, как снисходительная супруга. Я вот уже много лет жду и жажду того вечного свечения, которое распахнет мои маленькие крылья и возвысит мое существо. Но я также и боюсь его, поскольку за пределом сна человек не предназначен к вечному счастью, и за светом всегда следует тьма, столь же мрачная, сколь ярким было сияние. Мне многого не хватает, но я знаю, что никогда не добьюсь полного покоя. Поэтому я ловлю брызги радости, которыми жизнь делится со мной, и ничего больше не прошу.

Он замолкает и как будто обдумывает что-то, все так же пронзительно глядя на меня.

Потом продолжает говорить: - Конечно же, печально наблюдать, как горизонт стремительно меняется перед тобой, после чего ты внезапно оказываешься в другом, мрачном и темном измерении. Там от пережитой радости остается лишь слабый отзвук, далекий, отныне погребенный в кладовых памяти. Вы никогда этого не замечали? В человеческой жизни слава и позор незримо и неразрывно связаны, и одно следует за другим без всякого промедления.

Это действительно так. Сколько раз мне приходилось сталкиваться с тем, что покой длится не дольше вспышки, он как солнечный день перед грозой. Иногда ты видишь, как мосты обрушиваются за твоей спиной, надежды улетают к далеким мирам, тогда твое падение длится вечность и ты приземляешься совсем в других краях.

После этого кажется, что все вокруг издает тонкий аромат.

- Готов поручиться, что Вы мечтатель..., - говорит мне юноша, невозмутимо улыбаясь, - как бы Вы описали свои мечты?

- Наверное, как галлюцинации, - я решаюсь ответить ему после достаточно долгого молчания.

В окно я вижу горные цепи и своего собственного воображаемого двойника, который машет мне рукой и тут же исчезает.

- Надежды, обманутые в течение дня, иногда оборачиваются против нас и с приходом сумерек порождают кошмарные сны. С Вами никогда такого не случилось? – говорит мой собеседник, никак не желая оставить меня в покое.

- Кошмары? Да, я не раз становился их жертвой. Как правило, я не могу их вспомнить при пробуждении, но они всплывают в памяти на следующий вечер, перед отходом ко сну.

- А бывало ли с Вами такое, чтобы кошмары повторялись? То есть, такие сны, которые не похожи на реальность, а целиком состоят из непонятных символов?

Я мешкаю. Конечно, я помню нечто подобное. Он снился мне очень давно и я так и смог до конца понять его смысл.

Тогда я был ребенком, и тяжелый, непонятный сон, который повторялся по три или даже по четыре ночи кряду, иногда с перерывом в несколько месяцев, безусловно, наводил на меня страх. Он был похож на взрослый сон, который стесненно чувствовал себя в маленьком детском разуме. Возможно, именно поэтому я так тяготился им, он будто бы возвышался надо мной, нависая, подобно скале.

- Да, такое со мной происходило в детстве, и это было очень неприятно.

- И Вы до сих пор хорошо помните этот кошмар?

- Во всех подробностях. Это может показаться странным, но даже спустя столько лет я точно помню не только его визуальный ряд, но и тревогу, которой он сопровождался, - прежде всего, вспоминается окружавшая его тревога, будто роскошная рама, подавляющая собой картину. Как бы я смог забыть этот сон? Напряжение от этого кошмара превосходило предел моего эмоционального терпения и вынуждало меня просыпаться.

- Так Вашей психике удавалось обнаружить что-то вроде запасного выхода...

- Но этого было недостаточно. Несколько минут спустя после кошмара его эхо продолжало надо мной измываться, а я лежал неподвижно, впиваясь глазами в темноту, тщетно отыскивая точку опоры.

- Какое чувство было в Вас сильнее всего? Страх?

- Не то чтобы страх в прямом смысле этого слова. Я, скорее, испытывал странное чувство вины, настолько сильное, что, наверное, даже убийце не дано его ощутить.

Юноша, не отводя от меня внимательных глаз, немедленно спрашивает: - И в чем же Вы были виноваты?

- Я провалил свое задание. Не смог выполнить серьезное, прекрасное поручение, предназначенное для меня. Перед собой я видел пустынную местность, ни домов, ни людей. Потом, откуда ни возьмись, на ней появлялись и быстро росли белые небоскребы, а я понимал, что забыл внести свой вклад в их строительство. Речь шла не о материальном упущении, а о чем-то абстрактном и жизненно важном, без чего эти постройки оказывались бесполезными.

- Получается, Вы были, как тот архитектор, что забыл построить фундамент...

- Думаю, да. Подобную ошибку не исправить, нужно сносить то, что уже построено, и все делать заново. Что может быть для человека хуже, чем необходимость разрушить то, что он создал? Я ощущал невыносимый груз моей ошибки, как тяжесть скалы, которая сдавливает душу и не дает вздохнуть.

На лице моего собеседника отражается десяток мыслей одновременно.

– Вы так и не поняли до конца, в чем смысл этого кошмара? - спрашивает он, и этот вопрос не обманывает моих ожиданий.

- Нет, не думаю. Мне не вполне ясна его символика. Иногда, правда, я думаю, что это был знак, предвестник того мучительного ощущения, которое позже мной овладело и заставило меня посмотреть на свои творения другими глазами.

Сейчас, в разговоре с сидящим напротив меня незнакомцем, я не стыжусь своих откровений, и мое предположение кажется мне все более обоснованным.

Я никогда не находил привлекательной излишнюю открытость, которая заставляет делиться с другими самым сокровенным. И все же, иногда оказывается полезно повстречать *кого-нибудь*, кому можно рассказать про себя все, выложить перед ним, один за другим, все обрывки прожитой жизни. Порой найти этого *кого-нибудь* просто необходимо, как и быть уверенным в том, что больше никогда его не увидишь.

- Вас, значит, что-то мучает? – спрашивает он меня, и его тон дает понять, что он уже не ощущает себя просто незнакомцем.

Я страдаю расстройством чувствительности, которое заставляет меня испытывать больше ощущений, чем я хотел бы, - вот что вертится у меня на языке. Я знаю, что моя болезнь подпитывается реальными событиями и скрытыми препятствиями.

Очень непросто объяснить, каков он, тот холод, что пронизывает твою сущность и превращает твой мир в ледяную скульптуру.

Он возникает каждый раз, когда ты отчетливо слышишь, как созревает конфликт, но не знаешь, где именно, или же когда ты чувствуешь боль, но не знаешь, в твоем она теле, или в чужом.

- Да, - отвечаю я юноше. – Мое страдание корнями уходит в древность, но я все еще несу его в себе, как придаток. Оно следует за мной повсюду и отмечает собой каждое мое стремление или надежду.

- Пытались ли Вы когда-нибудь восстать против него, вырвать его из себя?

Возможно. В жизни бывают такие моменты, когда хочется отключить здоровую часть себя самого и проснуться уже неспособным на какие бы то ни было ощущения.

И вместо того, чтобы все дальше и дальше отодвигать от себя твою способность думать и понимать, порой хочется закрыть калитку и выбросить ключи в бездонный колодец, чтобы больше не сожалеть об этом.

- Вы хотите знать, пытался ли я освободиться от своего страдания? По правде говоря, не знаю. Вряд ли я когда-либо действительно желал искоренить его. Безусловно, я пытался обуздать его, направить его мощь в другое русло, превращая каждую слезу в потоки стихов.

...

Вы,

незнакомые мысли,

что хозяйничаете

в моем разуме,

вы,

не знающие жалости,

оставьте ваш приют,
хотя б на миг,
чтоб в тишине ночной
я мог
найти покой...

- Вы писатель? Ваши слова лишний раз подтверждают то, что я уже слышал: настоящее искусство рождается только из страдания.

Я улыбаюсь.

Писать – значит играть с собственной болью, с собственным восторгом, исторгать образы, которые другие люди подберут и вывернут по собственному желанию.

Для этого нужно погрузиться в туман коллективного разума и извлечь самую его суть, быть равнодушным, но бдительным, научиться выходить вперед и вновь скрываться за ширмами фантазии. Нужно пить реальность маленькими глотками, смакуя ее послевкусие.

- Действительно, творчество дает возможность излить свое страдание, - отвечаю я, - но чем больше творишь, тем сильнее ощущаешь необходимость творить. Тогда из твоих рук берет начало ручеек, который сам от себя подпитывается и, в конце концов, превращается в реку. Поток моего Искусства казался бесконечным...

- Но что-то произошло?

- Да, что-то случилось. В какой-то момент разлившаяся, полноводная река остановилась. Она не высохла полностью, нет, но какие-то непонятные препоны в моем мозгу стали замедлять ее ток, странная стыдливость начала сдерживать и иссушать ее, подобно продолжительной засухе.

Вдохновение подобно дуновению ветра, бывает, оно проходит мимо, не обратив на тебя никакого внимания. Иногда тебе удастся схватить его за хвост и укротить его порывы, но, прежде всего, ты должен в него поверить.

Я замолкаю и думаю о том времени, когда я написал свое первое по-настоящему искреннее произведение. Тогда я уже не упражнялся в стиле, а действительно хотел написать стихи во имя настоящего дела.

Помню, какое опустошение я испытал под конец. В моей душе образовалась зияющая дыра, будто я пересадил часть себя в написанные слова.

Помню радость от того, что я в своих стихах описывал чужие чувства и незначительные споры, неурядицы, которые, порой, касались меня лишь косвенно. По непонятным причинам мир абсолютно убежден в том, что не все достойны быть запечатленными в стихах, как будто обладание неким превосходством на этой земле может помешать испытывать страдания.

Поэтому герои моего искусства показались слишком мало похожими на жертвы для того, чтобы удостоиться появления в моих стихах.

Я же воспел те ночи, когда их пробудившиеся страхи заставляли их почувствовать себя ничтожным сором, когда смерть оказывалась рядом, оставляя несмываемый след на их лицах.

- Знаете, что чувствует поэт, когда ему удастся выразить свои эмоции? – говорю я своему юному попутчику. – Это нечто неопишное. Шедевр опустошает, но, с другой стороны, позволяет реализоваться на высшем уровне существования.

Тут он застаёт меня врасплох: - Почему же Вы тогда убили свою Поэзию?

Это один из тех вопросов, которые неслышно бродят в твоём мозгу и ждут, пока кто-нибудь другой не вытащит их на свет Божий.

Почему я её убил... Я действительно это сделал, но никогда не спрашивал себя, зачем. Наверное, потому, что в ней больше не было надобности. Мне казалось, что это пройденный этап в моей жизни, и что думать об этом больше незачем.

Так ли все обстояло на самом деле?

Можно отринуть человека от мира искусства, но нельзя отринуть Искусство из человеческой жизни. Однажды оказавшись в ней, оно там так и останется, возможно, переодевшись и подделавшись под что-нибудь другое.

- Потому что в один прекрасный момент что-то изменилось, - отвечаю я неожиданно для себя самого. – Внезапно бессмысленность слов, написанных на бумаге, предстала передо мной со всей своей жестокой очевидностью. Я понял, что слова эти лишены той силы, на которую я надеялся. Искусство не может изменить мир. Мир наносит Искусству смертельный удар, принижает и оскорбляет его своим лицемерием, привязывает его к каркасу вымысла. Нет, друг мой, Поэзия ничего не стоит. Это всего лишь иллюзия, и, может быть, именно поэтому она недостойна даже существовать.

Какой смысл в утопии? Она помогает человеку обмануть себя самого и других, а потом уносит его в фантастическое, несуществующее время.

- Вы так думаете? – говорит он мне в ответ. Я же считаю, что, напротив, все мы нуждаемся в нашей порции вымысла, в каком бы виде нам его ни предлагали. И наконец, кто может точно сказать, какие из окружающих нас образов являются иллюзией чистой воды? Посмотрите в окно. То, что Вы видите, существует в действительности? Я часто думаю, что, может быть, все мы – лишь видимость, плод воображения, что все, что я вижу вокруг себя, - другие люди, вещи, ощущения, - создано моим интеллектом, и что однажды я обнаружу, что сам по себе являюсь существом, запертым в затерянном уголке космоса и занятым бесплодными попытками победить свою бесконечную ничтожность.

Я смотрю на деревья, которых в своем движении касается поезд, увлекая за собой обрывки листьев.

Вдалеке идет женщина, ее волосы развеваются на ветру. Помню, несчетное количество лет тому назад я тоже шел по следу моего таланта и на ходу думал о том, как должно быть просто однажды заснуть по своему обыкновению и забыть о том, что на следующее утро нужно просыпаться.

Печально, когда творческий дар предаёт тебя и бросает тебя одного барахтаться в иссохшем колодце твоих эмоций. Даже когда обрушились все

дворцы, оставив после себя только останки уверенности, мой талант не смог возродиться, чтобы описать эту боль.

Все, что я вижу своими глазами, по мнению юноши, может быть всего лишь выдумкой, плодом фантазии некоего существа, которое готовит себе площадку, где можно играть со своим воображением.

Если посмотреть на мир с этой точки зрения, главного героя найти не так просто.

Я ли этот герой, или же я всего лишь элемент обстановки, выдумка кого-то другого?

Может быть, тогда меня и вовсе нет...

Кто знает, было ли когда-то мое начало, и будет ли когда-то мой конец, который, возможно, окажется открытой дверью в новую световую эпоху.

Все же я надеюсь, что существую, что я есть и что у меня есть моя собственная история, которая не имеет никакого отношения к чьему-то абстрактному проекту.

Нет, по-другому и быть не может.

Я знаю, что существую, потому что не могу лгать самому себе, что не помню, как однажды кто-то подошел ко мне, нагнулся и вручил мне страсть и глубину мысли.

Искусство приносят в дар так же, как дарят цветы.

- Посмотрите вон на те дома: кто может сказать, такие ли они, какими мы их видим, и вспомнят ли они о том, что существуют, завтра, если проснутся? – продолжает юноша.

Сейчас, когда у меня зародилось новое сомнение по поводу моего бытия, я бы тоже хотел проснуться и вспомнить о своей одаренности. Заглянув внутрь себя, я обнаружил такие глубины, что я сам могу заблудиться в собственных словах. Я бы хотел, чтобы сердце помогало мне думать, как если бы единственное зерно разума во мне было заключено в эпицентре моих эмоций.

Мне бы, однако, совсем не хотелось быть единственным обреченным на блуждания в лабиринте собственного интеллекта с мыслью в качестве попутчика. Лучше быть одним из участников, одним из элементов сложного мирового устройства.

Общение в любых своих формах – порождение общности, и человек, лишенный общения, превращается в отшельника или в безумца.

- Как Вы считаете, от нас что-нибудь останется, когда земля освободится от нашего присутствия? – снова спрашивает он меня.

Что останется... Возможно, ничего. А может, один бесконечный вечер, в котором мысли рассеиваются, как тучи, и становятся неуловимыми.

- Сложный вопрос. Наверное, останется только память.

Сколько раз мы уходили, хотя еще были живы. Наверное, именно поэтому я порой с тоской вспоминаю об узких тропинках, до которых всего несколько метров пути.

- А Вы хотите, чтобы частичка Вас осталась?

Я улыбаюсь. Вот так вот, с бухты-барухты, я мог бы сказать ему, что мечтаю, чтобы кто-нибудь клонировал мой мозг и сохранил его в веках.

- Наверное, какие-нибудь мои убеждения, мои нелогичные мысли, которые не нуждаются в объяснении, - отвечаю я.

Или же, думаю, это тихое бессмысленное страдание, от которого возраст теряет свою осмысленность, и я вновь становлюсь незрелым и незнающим, с обнаженным сердцем, как у ребенка.

Я закрываю глаза и впервые понимаю, что окутавшая меня тьма похожа на мозаику. Она состоит из лежащих рядом пластинок, которые отказываются соприкоснуться друг с другом, и, наверное, только я замечаю цветную нить между ними. Я никогда не мог выносить кромешной темноты и всегда отыскивал источник света, пусть даже бесконечно малый, чтобы в ней ориентироваться.

Я слышу визг тормозов и понимаю, что очень скоро попрощаюсь с кем-то, кто составил мне компанию на этом отрезке моего пути.

Юноша поднимается. – Я выхожу здесь. Вы, как я понимаю, едете дальше. Желая Вам поскорей найти Вашу станцию, и, возможно, так оно и случится, ведь то, что мы ищем, как правило, не так далеко от нас.

Да, может быть, это и так, думаю я, пока прощаюсь с ним.

По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Глава 5

Последняя остановка

Снова станция, снова незнакомые лица, которые сквозь стекло, затуманенное моим собственным дыханием, кажутся мне такими далекими, как если бы они жили в прошлом веке.

Одного моего желания хватило бы, чтобы протереть окошко ладонью и полюбоваться на новый пейзаж, освобождая стол в своей голове от нагромождения дурных мыслей.

Много лет назад один мой друг сказал мне: «ты прост в своих чувствах, а я сложен», а я чуть не рассмеялся, подумав, как он ошибается.

Если бы он лишь на мгновение увидел клубок прозрачных нитей, на которых было подвешено мое сердце, то никогда бы не смог справиться с удивлением. Я же сохранил свою тайну при себе.

В купе заглядывает пожилой человек. Седая борода средней длины и строгая, напоминающая церковную, одежда придают ему схожесть с аскетичным мудрецом, который входит в твою жизнь на цыпочках, но, в то же время, оставляет перед тобой глубокие борозды, чтобы указать правильный путь. Старость не всем причиняет вред, для кого-то это время, когда каждый камешек на мостовой становится на место и глаза светятся спокойной уверенностью.

Я улыбаюсь человеку, который будто излучает тревожное спокойствие, тем самым вызывая к себе доверие, и приглашаю его войти.

- Благодарю Вас, - говорит он с улыбкой, усаживаясь напротив. – Я не люблю путешествовать в одиночестве, поэтому, когда сажусь в поезд, тут же принимаюсь искать кого-нибудь, с кем можно поговорить. Увидев Вас, я решил, что Вы испытываете такое же желание. Я не ошибся?

Отправляясь в путь, я искал полного одиночества. Я думал, что только с его помощью я смогу как можно лучше исследовать пещеры моего сознания и отыскать выход на открытый воздух. Однако мои предыдущие попутчики заставили меня передумать.

- Вы совершенно правы. Я смотрел на дверь, потому что тоже ждал, что кто-нибудь придет.

- То же самое можно сказать о всех нас, не так ли? Общество пропагандирует индивидуализм, но, на самом деле, каждый постоянно ищет встреч с другими, даже когда делает вид, что избегает их.

Он совершенно прав. Изначально человек был задуман так, чтобы он разделял свое существование с другими людьми.

- Мне уже много лет, и я давно понял, насколько важно использовать любую возможность говорить друг с другом, делиться мнениями, повстречать по дороге другого человека и пробыть какое-то время вместе. - Потом он продолжил: - Знаете ли Вы, что случайная встреча может изменить жизнь? Она может продлиться всего несколько мгновений, но за это время успеет отыскать нишу в Вашей душе и останется там навсегда.

На моем пути случались такие встречи. Они были настолько насыщенными и подлинными, что даже сейчас я продолжаю спрашивать себя, произошли ли они на самом деле. Теперь это мимолетные воспоминания, но их тонкие чары я ощущаю до сих пор.

Сидящий напротив меня старик, возможно, тоже испытывал нечто подобное в своей жизни.

- А с Вами когда-нибудь такое бывало? – спрашиваю я у него.

Он прикрывает глаза, и на мгновение выражение его лица меняется, будто под влиянием внезапно нахлынувшего старинного переживания. Он не силится найти это воспоминание, а, скорее, вызывает в памяти то, что там находилось всегда.

- Конечно, такое со мной бывало. Это были странные встречи, из тех, о которых спрашиваешь себя, могли ли они произойти с кем-то еще, или же было необходимо именно твое присутствие, чтобы они состоялись.

- Как они повлияли на Вас? – спрашиваю я.

Его тонкие губы растягиваются в улыбке: - Они были для меня настолько важны, что если бы сейчас все пропало, если бы моя жизнь, подобно иссохшему листку, пошла бы сейчас на корм смерти, вспоминая о тех встречах, я убедился бы, что выполнил, хотя бы отчасти, мое высшее человеческое предназначение.

Он прерывается и пристально смотрит на меня, будто желая подчеркнуть подлинность своих слов. – Порой самое восхитительное во встрече – это сознание того, что тебе есть, что подарить, пусть даже только слова, - тихо говорит он, и я вспоминаю, как мои руки, мокрые от слов, сочились чистотой чувства.

Прошу тебя, поезд, везущий меня в неизвестные дали, пробуди, если можешь, заснувшую часть моего существа и догони мой заблудившийся сон, даже если он может погубить меня.

Я хочу подняться и вновь шагать внутри себя, остановиться, чтобы поиграть с красотой, и нежно взять ее под руку.

- Знаете, - продолжает он, - в моих скитаниях я, безусловно, восхищался успешными людьми. Но изменило меня другое. Я видел, как незнакомцы, победители или побежденные, погружаются в черную пучину страданий. И когда такое с тобой происходит, ты готов отдать так много, что чувствуешь, как душа покидает границы твоего тела, и не знаешь, сможет ли она когда-нибудь вернуться. Благодаря этим незнакомцам, я уверен, что жил в этом веке и оставил мой скромный след на стене истории.

Навсегда запоминаешь не стойких, непобедимых героев.

Обычный поверженный герой – вот кто остается в твоей памяти, как несмываемый знак, оставляющий тяжкий след на душе.

Человек, способный показать свое хрупкое я, которое открывается только от слез, - вот кто дает тебе понять, что ты удостоился чести увидеть его лучшую сторону.

Сын, заблудившийся в тумане, - вот кто является тебе, пытаясь найти в тебе свою весну, и от этого сумрачная мгла в тебе рассеивается.

Тогда ты внезапно ощущаешь себя хозяином своей судьбы и знаешь, что сможешь вырастить цветы в любой пустыне.

Тобой овладевает эйфория проповедника, которую тот испытывает перед слабостью и уступчивостью неверного, отчего все громче и громче кричит имя своего божества.

...

Держись за меня,
если страх
тащит тебя
в грязный туннель,
не заметив тебя,
как обломок алмаза-сырца.

...

Прижмись ко мне,
чтобы прогнать
бессилие
объятий пустых моих,
жадно ждущих
твою тихую грусть...

Пока мы разговаривали, снаружи пошел дождь.

Может быть, судьба – это дождевая капля на стекле, которую человек может стереть или оставить стекать по гладкой поверхности. Может быть,

след от воды рассказывает о своих переживаниях знаками, которых мы не замечаем, - множеством тонких сплетенных струй, неуловимыми движениями частиц.

Я смотрю на своего собеседника и думаю, каким живительным нектаром он питается, чтобы не поддаваться страху, как он защищается от извращенной музыки ненависти, которая ранит слух.

Наверное, мне стоит сделать над собой усилие и вспомнить о том времени, когда мне казалось, что в жизни нет ничего прекрасней, чем видеть свет в глазах близкого человека и знать, что только я могу превратить его в восхитительный источник, рождающий чистую поэзию. Тогда я чувствовал дышащую во мне бесконечность и приподнимался над ничтожностью своего существования. Это было для меня жизнью. И большего я не просил.

- Из всех людей двое сыграли в моей жизни роль обычных поверженных героев, - говорю я человеку, который будто разговаривает на языке моей памяти. – Первого я повстречал солнечным утром, какие зачастую внезапно наступают после дождливого дня, заставляя врасплох землю, все еще мокрую от дождя. Я смотрел на этого мужчину в форме, на то, как внезапно засветились его глаза цвета свежей листвы, и пока разговаривал с ним, понял, какое огромное значение могут иметь слова, продиктованные сердцем. В тот миг я поблагодарил Господа за то, что он даровал мне способность чувствовать и говорить. Когда я обнял его, то ощутил, как его смятение и боль пронзили меня, будто острое лезвие, проникли из его души в мою. Я ничего не знал о его прошлом, но слезы, сверкавшие в его глазах без всякого стыда, сделали из него человека, которому было суждено оставить несмываемый след в моей памяти.

...

Капитан,

я к сердцу прикоснулся твоему,

и пробудились

неспящие слова

в пожаре памяти,
взлетели грозди звезд,
иллюзий,
в предсмертной светлой дрожи.

Как сладко
молчание меж нами,
в объятьях наших ветер,
обман мелодий вечных.

Возможно, не смогу
разжать свои объятья
никогда...

...

В глазах твоих нашел я
тот взгляд, что я искал
на древних парусниках
и на пустынных тропах...

...

Хотел бы я помочь тебе, укрыть
от всякой тени,
что проникнет
в твои мысли.

Позволь мне принять
твой плач

и твой восторг,
будто верный хранитель
твоих мук.

...

Капитан,
за несколько мгновений, в вечности увядших,
ты подарил мне
тихие проглоченные слезы,
в тишине погребенные слова
среди смертных вздохов
усталых немых гробниц.

Теперь
свободно отпусти свой плач,
забыв об остальном.
В слезах тебя прижму я
к сердцу моему.

Без слов.

Старик кивает так, как будто чувствует все оттенки этой встречи, даже те, что я не могу выразить словами.

- Стоило бы убедить людей в бесполезности притворства и холодности, призывая их проявлять свои эмоции без страха. Твердость характера еще не говорит об основательности души, - говорит он мне. – Вы ведь рассказывали, что помните двоих...

- Действительно. Второго я встретил за границей. Он молча стоял на коленях, сотрясаемый рыданиями, перед памятником павшим солдатам, а группы безразличных туристов в некотором замешательстве проходили за его спиной, одна за другой. Я тоже было пошел дальше, прислушиваясь к сильнейшему страху ошибиться, быть отвергнутым. Этот страх всегда ограничивает меня и, возможно, я никогда не смогу окончательно от него избавиться. Но потом я вернулся. Я встал на колени рядом с ним и заговорил на его языке. Я не помню ни слова из того, что я сказал тогда, но мне казалось, что речь течет плавно, как никогда раньше.

По возвращении из того путешествия я понял, что с помощью этого человека я познал самую подлинную сторону той Страны.

Такое выражение лица у нее появляется в моменты уныния, когда победа уже не так важна и боль за каждую жизнь, принесенную в жертву, становится все сильней. Такое случается, когда народ просыпается утром, и его лицо чисто, не прикрыто никакими масками. Оно измучено, но прекрасно каждой своей выразительной морщиной.

...

В зное безжалостного лета
солнечный дождь оmyвает
гладкость надгробий,
раня
древнюю мучеников дрожь.

Одинокий
согбенный мужчина,
глядя на табличке надпись,
вспоминает
преданные, убитые мечты.

Сколько мрачных рассветов
ты помнишь,
без лучика света,
чтоб зацепиться,
раненый
хрупкостью миражей.

Сколько шагов погибло
в бледной грязи,
что стирает и глушит.
Тысячи, тысячи раз
я слышал его
надо мной,
хладного, пылкого,
резкого,
худшего из палачей.

Итак,
в печальном, нежном образе
павшего героя-одиночки,
сегодня,
в жарком объятии июля,
торжествующая,

покоренная,
победоносная,
поверженная,
она, *** ,
бесконечно моя.

Отныне и навсегда.

Забери его страхи и унеси их далеко-далеко, - просил я у легкого ветерка, который будто прислушивался, когда я шел прочь от этого человека, - чтобы однажды они не вынудили его сделать выбор, невыносимый для меня. Если ты этого не сделаешь, я сам украду их и предам вечному забвению.

- Вы должны радоваться, что Вам предоставилась такая возможность. Не всем дано посмотреть на вещи с определенной точки зрения.

- Я действительно счастлив, что так случилось. К сожалению, на моем пути встретились только эти эпизоды, которые можно вставить в раму, как драгоценные произведения искусства.

Больше такой возможности не представилось.

Вспоминая эти встречи, а также и другие, я в очередной раз задумываюсь о том, насколько странную игру ведет моя судьба, которая не раз позволила мне сблизиться с другими людьми, но потом снова отдалила их от меня.

Или же я сам отступил назад, из страха, что позже путь к предательству для меня будет отрезан.

Если любить и не делить любовь ни с кем преступно, тогда я далек от невинности и объявляю себя виновным в том, что не сумел подавить в себе чувство, которое не следует логике изворотливой власти.

- Кто знает, почему я оказываюсь так близко к тебе, что могу своей рукой стряхнуть пыль с твоей одежды, прочесть твои мысли, - спрашивал я себя, глядя на человека, которого в тот или иной момент видел перед собой, - чтобы уже завтра вернуться на расстояние беспомощности, когда ты будешь так далеко, что я даже не смогу спросить, почему так случилось?

Я представляю расстояние материальным, будто его можно потрогать.

Расстояние – это круг, начерченный пальцем на экране жизни, и куда бы я не поехал, от центра меня отделяет все то же промежуток пути, будто я хожу по периметру.

Тысячу раз я садился рядом с каким-нибудь человеком и притворялся незнакомцем, которому нечего спросить.

Однажды кто-то распахнул дверные створки, чтобы дать мне послушать гомон своих страхов, и после поблагодарил меня. Тогда я понял, что никуда оттуда не уйду.

В следующий раз другой человек попытался объяснить мне, что когда мы рискуем своей жизнью и даже теряем ее, мы выполняем одно из правил игры, в которой ничего нельзя изменить.

- Я не боюсь, - сказал он мне тогда.

А я боюсь, - подумал я, - и запах этого страха неотступно преследует меня.

Именно страх сейчас, как никогда раньше, господствует надо мной. Надо мною довлеет звук вчерашнего дня, который прокладывает себе путь к возрождению.

- Прости меня, - подумал я, - за то, что я не могу принять раны, которые вижу на тебе, прости за мою слабую боль, что оглушает тебя своей тишиной. Прости, что ты мне принадлежишь, сегодня, завтра и навсегда, и что внутри меня ты рождаешь образы, которые, возможно, совсем на тебя не похожи.

Глядя на ту показную уверенность, что с трудом прикрывает обрывки слабости, я вновь подумал:

- Хотел бы я набраться храбрости и сказать, что не смогу тебе никогда простить одного - того, что ты снова избрал в качестве врага человека, который неразрывно связан с тобой в глубине своего сердца. Не знаю, как ты отреагируешь на подобное откровение. Ты, гордый властью и достоинством, по своему обыкновению, ощущающий себя победителем.

Если спросишь, кто я, я отвечу, что я уцелел в мире, который ты один создал по своему образу и подобию. И даже если бы ты захотел, ты не можешь спасти меня от мыслей о тебе, которые вынуждают менять курс и искать новые островки, где можно бросить якорь.

Я, ошеломленный разрухой, которая в тебе берет начало и находит конец, все еще захлебываюсь своей тревогой, когда чувствую ее, будто ласкающую тебя дьявольскую руку. Тогда я понимаю, что что-то происходит, что карусель вращается с бешеной скоростью, а вокруг меня все замерло, и не за что уцепиться.

Приятно видеть, как новые огоньки на холмах и бодрые костры облекают мои иллюзии плотью, и хотелось бы верить, что завтра дверь к твоему сердцу снова будет открыта, хотя уже сейчас я понимаю, что упрусь в заколоченные ворота и буду молотить по ним кулаками, пока не собью их в кровь.

Тогда мне станет страшно от холодной решимости, которую я отмечу в каждом твоём поступке, в каждой сказанной или задуманной фразе.

Тогда ты окажешься настолько непохожим на твой образ, что я ношу в своём сердце, что я не смогу тебя узнать...

...

Тьмою во мне

обернулась тень,

что лежит

рядом с тобой

жестоко и холодно.

Прошу тебя,
отгони эту тень,
чтоб не затмила тебя,
превращая в дьявольского
незнакомца...

Твое чувство ко мне окажется тогда запятнано, как и моя любовь к тебе, неверная и несовершенная.

Так, если я признаю свою вину в том, что использую тебя как единственный источник моего вдохновения, ты тоже обязан согласиться, что растерялся, когда власть вновь протянула к тебе свою холодную руку.

Если можешь, расскажи мне о мгновениях, когда мир будто гас вокруг тебя, о том, как ты смотрелся в зеркало и, обнаружив темные, доселе невиданные черты, пугался самого себя, как вечного, опасного врага.

- Мы можем пообщаться с кем-то пару минут, а после, уже не имея такой возможности, мы не в состоянии его остановить, зная, что он ошибается. Как Вам кажется, какой в этом смысл? – спрашиваю я, будто обращаясь к себе самому.

Помню, как я смотрел за спину находящегося передо мной человека и видел глухую стену, стоящую вдалеке, будто мы ее преодолели и она оказалась в стороне, за нами, а не между нами.

Тогда я ощущал спокойную уверенность, приятное облегчение, которое испытываешь, зная, что пережил твою самую длинную ночь. Но сколько раз потом эта стена возвращалась под видом толстого стекла, и я бился в него, не оставляя на нем ни малейшей царапины.

Прозрачность этого стекла была обманчивой, она позволяла разглядеть людей, от которых меня отделяла, примерно как в ситуации, когда тебе кажется, что ты идешь рядом с кем-то, и только позже замечаешь, что вы идете по разным тропинкам.

- Какой смысл имеет вера в ближнего, упорство, заставляющее плыть против течения, уверенность в своих порывах? Какой смысл в моей жизни, если я навсегда останусь презренным хозяином пары мгновений? – спрашиваю я.

Мой попутчик, по-видимому, потрясен моим вопросом. – Так Вы спрашиваете себя, какой смысл в Вашей жизни? Могу Вам сказать, что я не раз задавался этим же вопросом и отвечал себе, что в ней нет никакого смысла. Слишком сильна была неумолимая тяжесть моей никчемности, невозможности что-то сделать, чтобы изменить мир, переделать то, что я находил невыносимым. Чувство собственной ничтожности переполняло мне душу и все сильнее влекло меня в гнилые болота отрицания себя самого. Но, к счастью, зародыш жизни каждый раз брал верх, ведь единственное, что способно спасти человека, - это твердая вера в то, что только он может породить и напитать. Я вспоминаю, скольких мелочей не случилось бы, если бы не я, и с уверенностью говорю себе, что моя жизнь не была бесполезной. На жизненном пути важно следовать велению своего Я, до самого конца, и не думать о том, повлечет ли это за собой великие свершения или же просто скромные дела.

Следовать велению своего Я...

Впрочем, кем бы мы были без нашего Я, целиком состоящего из чистого чувства? Унылым, пустым, безлюдным домом, куда страшно заглядывать свет.

- Как Вы нашли свое Я? – говорит старик, и я чуть не подпрыгиваю от его голоса.

Действительно, как же это произошло? То история его появления мне кажется ясной, то представляется таинственным событием, которое я сам себе не могу объяснить.

- Я встретил свое подлинное Я случайно, в детстве, - неожиданно для себя отвечаю я, - но не знаю, искал ли я его. Оно прошло, будто незнакомец, который одновременно и страшит, и притягивает тебя, обволакивая очарованием неизвестности. И ты следуешь за ним, хотя и не знаешь, куда.

- Вы сразу его узнали?

- Нет. Сначала оно напомнило мне вспышку молнии, летнюю грозу. Лишь позже я осознал, что на самом деле оно мгновенно разорвало напополам тот этап моей юности, сбросило в огромный водоворот мое краткое прошлое до последнего мгновения, - здесь я прервался, потому что слова внезапно закончились.

Думаю, что на обеих моих ладонях эта моя рана оставила бороздку, которую называют линией жизни.

В тот день, прочитав статью в газете, я понял, что тот прекрасный и чистый мир, который, как мне казалось, окружает меня, является плодом моего воображения и никогда на самом деле не существовал. Люди отвергают друг друга, изыскивают тысячи способов навредить другому, без всякой жалости разбивают свои мечты вдребезги.

...

Тот огромный мир
разделен между ними,
людьми, что связаны братской кровью,
и ненависть свыше
разрушила связь.

Каин убил Авеля,
как было написано,
ведь власти огонь

в венах грядущего тлел,
как сумрачный свет сквозь века...

Я понимаю, что мой собеседник вправе попросить объяснения, поэтому, порывшись в сокровенных глубинах своей души, с трудом выдавливаю из себя следующее: - В тот день я впервые понял, что человек встал под знамена раздора. Столь предвзятое и решительное отторжение другого ужасало меня. Я терялся в догадках. Знали бы Вы, сколько раз за эти годы я замечал между людьми ту схожесть, которую можно только почувствовать! Она четко вырисовывается в створках души, будто ждала только тебя, чтобы появиться, и ты даже не можешь сделать удивленный вид, потому что всегда знал о ее существовании. Знал тогда, когда осмеливался надеяться.

Образы, глаза, лица, - все сливается, и в тебе разные истории находят точки соприкосновения.

Хочется стать перекрестком, на котором эти дороги наконец встретятся и решат идти дальше, не разлучаясь. Хочется стать морем, к которому могут устремиться миллионы рек, чтобы потом слиться в единый чистый и прозрачный поток.

С помощью поэзии можно гравировать фигуры и делать их одушевленными, аккуратными прикосновениями кисти строя вокруг них яркие, многогранные сцены, создающие атмосферу.

- Однако реальность, которая предстает перед тобой, настолько омерзительна и ущербна, что ты немедленно убеждаешься в непоправимой ничтожности твоего чувства, - продолжаю я вполголоса.

Старик явно недоумевает и, энергично покачивая головой в знак несогласия, говорит: - Нет же, чистое чувство, что ты вынашиваешь в себе, никогда не пропадает напрасно. Оно растет, проявляется в каждом твоём жесте и рассеивается вокруг. Оно как роза, не знающая увядания, и каждый

подаренный лепесток ему воздается сторицей. В нем твоя сила, твоя единственная сила.

- Но какой толк от этой силы, - отвечаю я ему, - когда видишь, что не можешь сказать: «Нет!» - потому что никто тебя не услышит?

Я не раз видел и молчал, потому что другого выбора не было.

Всякий раз, когда я видел, как они погружаются в траур и смятение, я просил у божества, которому верю: - За каждый раз, что они убили и ранили, я прошу у тебя прощения.

Помню те дни, когда я молился, стоя на коленях в темноте моей беспомощности. Тогда я обращался к тому, кто не мог меня услышать.

Сначала ты во всем винишь свое детство, потом юность, и так дальше, пока не осознаешь, что так будет всегда и что зрелость не избавит тебя от судьбы того, чей глас тонет в тишине.

- Ты пытаешься не обращать внимания на то, что происходит, - продолжаю я, - заполняя разум другими мыслями, закрывая глаза, чтобы не видеть. Но ночь мстительна, и в кошмарах пред тобой вновь встает холодный, умытый горькими слезами лик страдания. Тогда ты убеждаешься в том, что тебя, вполне возможно, ждет полный, необратимый крах и что ни правдивость чувства, ни скромная искренность порыва уже не помогут.

...

Наверное, пешком дойду я

к печальной цели

по тягостному, трудному пути.

Но будет поздно.

И в грязь истории

паду,

где бранный прах,
пройду
по кровью залитым
полям.

И плакать стану
мрачной ночью,
в бессилия берлоге
затаясь.

Лишь грязь,
вдыхать я буду грязь,
сотру я только грязь
с земли покойной ран.

Лишь праха крик
услышу я,
и смерти вздох,
что в память мне
из шлама памятник создаст.

...

Тогда

Я,
на Высшее Несчастье обречен,
весь стану грязью.

Мой собеседник улыбается, как будто его совсем не удивили мои слова, и говорит: - Я тоже пытался избавиться от того, что причиняло мне боль, и укротить мои мысли, как наездник укрощает своего блистательного скакуна. Однако дикое естество поддается контролю только до тех пор, пока шпоры не впиваются в него так сильно, что ранят его плоть. Поэтому то, что обуздывал солнечный свет, ночью вырывалось на свободу и превращалось в тоскливый кошмар.

Он внезапно прерывается, пристально смотрит на меня и неожиданно спрашивает: - От чего Вы убегаете? Вы ведь убегаете, не так ли?

Да. Наверное, я убегаю.

Видимо, мне хочется сделать это каждый раз, когда я смотрю на груз, который взвалил на себя, и снова его пугаюсь.

Тогда я говорю себе, что изменился, и делаю вид, что верю в это, стараясь не выдать себя.

Сколько раз я хотел убежать от себя самого, вырваться из клетки моих тяжких размышлений и оставить позади ту тихую необъяснимую боль, которая вертит моей жизнью, как хочет.

Сколько раз я спрашивал себя, каков конечный пункт этой поездки и что я делаю, на самом деле, - путешествую сознательно или же отдаю себя на откуп этому странному безумию.

- Откуда Вы знаете? – говорю я.

Старик расслабился, будто подготовился открыть мне сущность, которую ощущал, как свою.

- Я знаю больше, чем ты думаешь. Знаю, что ты хотел бы бежать из темницы твоих мыслей, единственного места, где тебе всегда дышалось полной грудью, и укрыться на вершине других облаков, чтобы построить жилище из мечтаний, которые тебе не принадлежат.

Многим людям бегство кажется единственным выходом, правильным ответом на любой вопрос, быстрым освобождением от меча, висящего над головой каждого.

Ты бы хотел выбежать за пределы твоей цели, чтобы затеряться на просторах пустыни, которая готова распахнуть ворота в новую, неизвестную жизнь.

Я же помню того ребенка, который гулял по кромке пляжа, откуда только что отступила вода. Глаза его уже тогда искали новые горизонты.

Пока волны разбивались о песок, он слушал, как в его душе растут и крепнут основы той идеи, которая позже превратит его во взрослого.

Я помню того ребенка, который хотел добиться мирской славы и достичь своей цели, но отказывался использовать для этого других людей.

Я помню того мальчишку, который взял за основу принцип последовательности и был готов заплатить за каждое сказанное или написанное слово.

И я знаю юношу, изнуренного сомнениями, знаю страх поражения, который раздирает его на части и рвет в клочья его веру.

Но я также знаю, что жизнь не раз даровала ему больше, чем он мог ожидать, позволяя ему почувствовать близость цели, что не раз он ощущал себя хозяином своей судьбы, способным одержать верх в любой битве.

Обернись.

Ты собрал больше, чем раздал.

И ты еще спрашиваешь, твой ли это путь?

Сейчас тебе кажется, что ты хочешь побороть собственную судьбу и оставить свое Я за спиной, выбросить его, как мусор.

Но человек не может убежать от судьбы, которую он уже принял.

Он похож на птицу, рожденную в неволе, которая чувствует себя пленницей в своей клетке, но как только оказывается на свободе, понимает, что может жить только так, как раньше.

На мгновение он замолкает и берет мои руки в свои.

- Помнишь, как ты увидел, как они разговаривают между собой? Твои глаза всегда жаждали этого зрелища, и тогда контуры всех предметов вокруг постепенно рассеялись и совсем пропали. Потом твои руки повернулись к тебе и улыбнулись.

Внезапно меня ослепило сияние красоты, которое возникло изнутри, исподтишка обрушилось на меня, как долгожданное, но несбыточное чудо. Я будто бы выиграл в самую главную лотерею в жизни.

- Вандалов, которые захотят урвать свой кусочек ада, разрушив только что созданные узы, всегда будет несметное количество, - продолжает старик, и я уже вижу, как их тень нависает надо мной, но тут же понимаю, что я точно есть, больше, чем вчера и чем когда-либо.

Пусть даже я чужак, незаконный владелец чувства, - я тку свое полотно и прикасаюсь к очертаниям фигур, никогда не выходя на свет.

- Не убегай. Если ты сейчас все бросишь, небоскребы твоего кошмара рухнут. Без тебя они всего лишь песок - из такого же песка ты строил замки на пляже, и море разрушало, размывало их одной-единственной волной.

Держи: вот Искусство, я вновь дарю его тебе. Возьми его в руки, используй, насколько возможно, но не отпускай. Не пиши, если слов тебе недостаточно, но помни, что Оно есть и ждет одного твоего знака, чтобы проявить себя.

Расскажи с его помощью о долгом полете над привычным, знакомым небом.

Тогда тебе улыбнулись, а ты решил, что в твоей душе зажегся свет, ты увидел их слезы, и тебе показалось, что они вымоют из груди твое сердце.

Когда это случится вновь, твои сомнения рассыплются, как разбитые зеркала.

Тогда ты совершишь разные безумства: выбросишь на помойку твои маленькие истины, наденешь военную форму, хотя презираешь войну, притворишься, что вышел из игры, хотя никогда еще не был настолько внимателен.

Я был за пределами красоты и уродства, за границей мелкой подлости, я познал жажду всемогущества, свои и чужие ошибки, и теперь, когда я в изумлении смотрю на все это из-за новой стены, мне все кажется таким же знакомым. Почему же тогда не сказать правду, всю правду и в полный голос?

Если я и уходил, то только на секунду.

Я все еще хочу верить в то, что вряд ли проиграю, если возьму на вооружение самую светлую свою часть, девственное, нетленное чувство, построенное шаг за шагом.

Потому что я не боюсь.

Он уже знает об этом и продолжает с улыбкой во взоре:

- Посмотри на меня: я мальчик с небесно-голубыми глазами, который путешествовал один и показывал тебе облака.

Я *кто-то*, кто спросил тебя, зачем ты погубил Искусство, что крылось в тебе.

Я – это ты, который дал клятву, забыв о себе самом и об игре, которую называют судьбой.

Я – это ты в будущем, когда ты станешь стариком, но наконец ощутишь полноту бытия, которую ты сейчас ищешь и считаешь недостижимой.

Внезапно поезд резко тормозит и останавливается.

Старик не двигается с места.

- Я остаюсь в поезде, - говорит он мне, - а тебе нужно выходить, потому что это ТВОЯ остановка.

Я вышел и сразу понял, что вернулся туда, где начинался мой путь.

С собой у меня все также только фотография кота в небольшом чемодане.

Может быть, я никуда и не уезжал.

То, что я точно знаю, - теперь можно начинать все сначала.

***“Иногда мысль настолько тяжела,
что напоминает валун,
который вот-вот рухнет
и оставит тебя в изумлении
перед мощью своего падения”***

www.elisabettabenedetti.com